

вок учащихся, помогает им привести в соответствие собственные ценностные ориентации с социальными запросами общества. Поиски их баланса в процессе разрешения конкретных экологических ситуаций природного или социального характера расширяет поле потенциальных возможностей для воспитания гуманистического отношения личности к своему социоприродному окружению, способствует становлению человека желающего и умеющего вести экологически обоснованный образ жизни. В процессе этого поиска знание дополняется отношением, каждый из участников учится видеть, ценить и сохранять непреходящие ценности, понимать меру разумности регулирования, выявлять приоритеты, осознавать роль отдельного индивида в цивилизационных процессах и необходимость коллективных взаимодействий в целях устойчивого развития. Такая организация работы формирует умения соотносить свои потребности с возможностями природы, искать компромиссный вариант между экономической выгодой и экологической целесообразностью, принимать экологически обоснованные решения, делать свободный и осознанный выбор необходимого образца деятельности и стиля поведения. В конечном итоге приходит осознание ответственности за свои действия и поступки.

Конечно, проведенные исследования охватывают сравнительно небольшую группу студенчества, и их результаты носят предварительный характер. И, тем не менее, они нацеливают вузы на интенсификацию деятельности по реализации стратегии образования для устойчивого развития.

Ю.Ю. Левченко

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

Вопрос о соотношении по юридической силе международных и внутригосударственных правовых актов является одним из наиболее теоретически и прак-

тически значимых при исследовании проблематики межсистемного взаимодействия. Важен и образовательный аспект этого вопроса: опыт преподавания международного права показывает, что студенты склонны или к абсолютизации приоритета международного права, или к международно-правовому нигилизму.

Между тем, роль и значение международного права по отношению к внутригосударственному не стоит, как недооценивать, так и переоценивать.

С мнением о приоритете международного права можно согласиться, но с определенными оговорками и уточнениями понятия приоритета (примата) международного права в контексте международных отношений и правовой политики РФ.

Представляется, что вопрос о приоритете международного права как системы права не тождественен вопросу об иерархической соподчиненности норм международного и внутригосударственного права. Иерархия «представляет собой вертикальную упорядоченность, подчинение и соподчинение компонентов различных уровней»¹. Иерархичность, согласно общей теории систем, это свойство любой многоуровневой системы, в том числе, правовой. Однако в конституционных нормах (п.4 ст.15), и в принятых в соответствии с ними отраслевых законах, нашла отражение преобладающая в правовой доктрине дуалистическая теория о соотношении международного и внутригосударственного права, которая основана на признании самостоятельности каждой из систем, что позволяет им взаимодействовать и влиять друг на друга, постепенно гармонизируясь, но без взаимопоглощения. Формирование единой глобальной системы права представляется вопросом отдаленного будущего, рассмотрение одной из систем как составляющей другой, видится, наоборот, шагом в прошлое. В таком контексте приоритет международного права видится как признание его общечеловеческой ценности и авторитета.

¹. Толстик, В. А. Иерархия источников российского права :Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Нижний Новгород,2002. С. 12. URL: <http://www.dissercat.com/content/ierarkhiya-istochnikov-rossiiskogo-prava>).

При этом, говоря о соотношении международного и национального права, хотелось бы избежать употребления термина «примат». Этимологически «примат» и «приоритет» означают первенство и с филологической точки зрения их можно рассматривать как синонимы, но исторически термин «примат» использовался в монистических теориях межсистемного соотношения, предполагающих международное право «внешним правом государства»¹ или, наоборот, внутригосударственное право частью международного. Так, по мнению Г. Кельзена, соотношение международного правопорядка и национальных правопорядков «напоминает соотношение национальных норм и норм корпорации»².

Однако, исходя из дифференциации понятий система права и правовая система, имея в виду в последнем случае внутригосударственную правовую реальность в целом, в соответствии с конституционными положениями, нормы разной системной принадлежности взаимодействуют в рамках российской правовой системы. Практика такого взаимодействия требует определенности при сопоставлении юридической силы внутригосударственных и международных правовых норм. Таким образом, имеет смысл, говорить о межсистемном и внутрисистемном приоритете международного права.

Шумилов В.М. предлагает разграничивать понятия примат и приоритет международного права в зависимости от сферы проявления верховенства международного права: под приматом международного права, по его мнению, следует понимать верховенство этой правовой системы в межгосударственных отношениях, а под приоритетом – ее верховенство внутри государства³. Соглашаясь с предложенной дифференциацией по существу, представляется, что во избежание терминологической путаницы, лучше говорить о межгосударственном и внутригосударственном приоритете международного права.

¹ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мир книги, 2007. С.425.

² Цит. по: Восканов С.Г. Историко-правовой аспект соотношения международного и национального права. URL: <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/0303/1.html>

³ Шумилов В.М. Международное право: Учебник. М.: ТК Велби, 2007. С. 167.

Принцип верховенства норм международного права в межгосударственных отношениях закреплен в универсальной международной конвенции. В соответствии со ст. 27 Конвенции о праве международных договоров государство-участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора¹. Это положение не абсолютизируется: ст. 46 названной Конвенции допускает учет явных нарушений особо значимых норм внутреннего права, касающихся компетенции заключать договор, в качестве основания недействительности договора.

Преимущественное применение норм международных договоров РФ при их расхождении с нормами внутригосударственного права предусмотрено как раз в п.4 ст. 15 Конституции РФ. То есть речь идет уже о верховенстве международного права во внутригосударственных отношениях. Однако и принцип внутригосударственного приоритета не следует абсолютизировать. Установление абсолютного приоритета международного права, по сути, не соответствует дуалистической позиции нашей Конституции. Как обоснованно указывает Хижняк В.С. «при дуализме нормы международного права не могут быть выше Конституции и применяются только в соответствии с принципами национальной правовой системы и правилами, установленными национальной правовой системой для их применения»². Правовым основанием этого общепризнанного в теории вывода является правило ст. 22 Федерального Закона «О международных договорах Российской Федерации»³: «Если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции Российской Федерации, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно в форме Федерального Закона только после внесения

¹ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Международное право в документах. М., 1997. С. 13.

² Хижняк В.С. Реализация международных обязательств России в области прав человека в свете проблемы соотношения международного и внутригосударственного права РФ // Государство и право, 2007. № 8. С.32.

³ О международных договорах Российской Федерации: ФЗ от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 49. Ст. 4694: [в ред. от 01.12.2007].

соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации или пересмотра ее положений в установленном порядке».

Что касается остальных нормативных актов, то и по отношению к ним приоритет международного права имеет относительный характер. Пределы приоритета международных норм в этом случае установлены справедливыми, но отнюдь не очевидными правилами, являющимися результатом системного толкования ст.ст.15, 90. 115 Конституции РФ, изложенными в п.8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судам общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»¹. Согласно указанным разъяснениям Пленума приоритетное применение по отношению к законам имеют лишь договоры, согласие на обязательность которых выражено в форме федеральных законов (актах ратификации). Остальные договоры приоритетны лишь по отношению к подзаконным актам, изданным органом, заключившим данный договор.

Для дальнейшего уяснения проблематики соотношения по юридической силе международного и внутригосударственного права имеет смысл различать правотворческий и правоприменительный приоритет международного права.

Правотворческий приоритет международного права предполагает, что при принятии внутригосударственного правового акта он должен проходить как бы экспертизу на предмет соответствия, как общепризнанным нормам международного права, так и договорным обязательствам РФ по отношению к отдельным государствам. Это другая сторона вышеописанной коллизионной профилактики, суть которой в данном контексте в недопущении противоречия нового внутригосударственного акта признанным государством нормам международного права.

Международно-правовые нормы, особенно Европейские стандарты в правозащитной сфере, явились ориентиром для российского правотворчества в свя-

¹ О применении судам общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. №5 // БВС РФ. 2003. № 12.

зи с вступлением РФ в Совет Европы. Однако в п.4 ст. 15 Конституции речь идет именно о правоприменительном приоритете международного права. Содержательные расхождения норм внутригосударственного и международного права, несмотря на меры коллизионной профилактики все же возможны, к тому же, в отдельных случаях подобные расхождения являются неизбежными, можно сказать, естественными. Даже многосторонние договоры не предполагают всеучастия, поэтому для регулирования отношений с государствами, не участвующими в договоре, внутреннее право во избежание пробелов предусматривает определенные правила. Так, например, применительно к договорам международной купли-продажи оптимальным методом регулирования является международный материально-правовой метод, воплощением которого является Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 г.)¹. Однако, одновременно, российское право предполагает возможность применения национального коллизионно-правового метода к этим же отношениям, то есть содержит правила выбора права, применимого к договору купли-продажи с иностранным элементом (ст. 1211 ГК РФ). При выборе подлежащих применению норм следует руководствоваться правилом п.3 ст. 1186 ГК РФ, конкретизирующим установленный конституцией правоприменительный приоритет международного права в сфере международных частно-правовых отношений: «Если международный договор РФ содержит материально-правовые нормы, подлежащие применению к соответствующему отношению, определение на основе коллизионных норм права, применимого к вопросам, полностью урегулированным такими материально-правовыми нормами, исключается». Коллизионные нормы применимы к отношениям с иностранным элементом, на которые не распространяется действие соответствующего международного договора.

¹ Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров // ВВАС РФ. 1994. № 1.

Таким образом, правильнее, на взгляд автора, говорить об относительном приоритете международного права. Принцип относительного приоритета международного права можно сформулировать следующим образом: приоритет международно-правовых норм над внутригосударственными имеет место в пределах, установленных внутригосударственным правом. Важно четко представлять, что международное право на настоящем этапе не является наднациональным регулятором. Поэтому в силу присущего государству суверенитета ни одна норма международного права не будет иметь силы для данного государства, пока оно не признает ее юридическую обязательность.

В.Г. Самарин, Т.Т. Шаюхов

**О КОНЦЕПЦИЯХ КВАЗИ-ДОБРА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ
НРАВСТВЕННОМ СОЗНАНИИ**

Среди понятий нравственного сознания центральное место занимает понятие добра. Категория добра обозначает то, что способствует реализации блага, а благо – это то, что человек (как род и индивид) оценивает положительно. В истории философии и культуры в качестве блага рассматривались различные предметы – удовольствие, польза, счастье, общепринятое, соответствующее обстоятельствам, целесообразное и т.д. Понятие морального добра обозначает свой предмет как особую ценность, представленную, прежде всего, в содержании отношений между людьми, как поступки, соотнесенные с неким идеалом. Позитивное нормативно-ценностное содержание добра заключается в устранении обособленности, в утверждении взаимопонимания между людьми. Понятие добра объективно по содержанию и субъективно по форме. Объективность содержания означает, что в понятии добра сконцентрировано то, что есть в реальной жизни и не зависит от сознания людей. Оценка этого содержания зависит от ряда факторов: интеллектуального развития личности, ее нравственной культу-